

Второй шанс СНЕЖНОЙ КОРОЛЕВЫ 2

Сергей Галактионов

Сергей Галактионов

Второй шанс Снежной королевы 2

«Автор»

2026

Галактионов С. В.

Второй шанс Снежной королевы 2 / С. В. Галактионов —
«Автор», 2026

Мир замёрз. Люди — нет. Они продолжают ненавидеть, предавать, торговать и убивать — только теперь ставки выше: не деньги, а банка тушёнки; не карьера, а место у печки. Эльза видит это яснее других — она уже жила в этом мире и умерла в нём. Вернувшись с даром бесконечного хранилища, она решает: больше никакой слабости. Никакого доверия. Никакой протянутой руки. Только расчёт, контроль и стальная дверь. Три месяца — и она контролирует весь квартал. Четыреста человек едят из её руки. Никто не знает — откуда еда. Все знают — без Эльзы они мертвы. Идеальная власть. Идеальная тюрьма. Для них — и для неё.

© Галактионов С. В., 2026

© Автор, 2026

Сергей Галактионов

Второй шанс Снежной королевы 2

«В мире, где все голодны, тот, кто кормит, — бог. Тот, кто решает, кого кормить, — дьявол. Разница — в одном движении руки.»

Глава 1. Дым над белым полем

Крыша встретила её ударом — не ветра даже, а чего-то большего, плотного, физически ощутимого, как если бы сам воздух превратился в твёрдое тело и бил по лицу с размаху. Минус пятьдесят два — так показывал термометр внизу, но здесь, на высоте двадцати четырёх этажей, с ветром, который нёс позёмку из ледяных кристаллов, ощущалось иначе. Как минус семьдесят. Как минус восемьдесят. Как ничто — потому что на определённой отметке тело перестаёт различать градусы и чувствует только одно: смерть. Она здесь. Она рядом. Она в каждом вдохе.

Эльза натянула балаклаву до переносицы, оставив щель для глаз — узкую, как бойница, — и шагнула от двери к парапету.

Шестидесятый день.

Два месяца назад мир был нормальным. Люди жаловались на пробки, обсуждали сериалы, ругались в чатах из-за парковки. Два месяца — и от всего этого осталось только белое поле до горизонта и столбы дыма, поднимающиеся из-за сугробов, как надгробные свечи.

Она стояла на краю крыши и смотрела.

Мир был белым. Не зимне-белым, не красиво-белым — мертвенно-белым, как простыня, которой накрывают тело в морге. Снег покрывал всё сплошным, бесшовным слоем: улицы, машины, деревья, дома — всё исчезло под этой коркой, и из неё торчали только верхние этажи зданий, как обломки зубов в челюсти мертвеца. Горизонт — ровный, плоский, слившийся с небом — тянулся во все стороны, и невозможно было понять, где заканчивается земля и начинается воздух. Небо — жёлто-серое, низкое, давящее — не давало света, а сочилось им, тусклым и болезненным, как из гнойной раны.

Город. Два миллиона человек. Было — два миллиона.

Сколько осталось?

Она не знала. Никто не знал. Связи не было — ни мобильной, ни радио, ни какой-либо ещё. Интернет умер в первые сутки. Телевидение — вместе с ним. Электричество — следом. Мир сжался до размеров одного дома — двадцать четыре этажа бетона, стали и отчаяния, в которых семьдесят два человека цеплялись за жизнь.

Но сегодня Эльза поднялась на крышу не ради философии.

Она достала бинокль — тяжёлый, армейский, купленный когда-то на барахолке «просто так», а на деле — по точному расчёту, потому что в прошлой жизни она знала цену хорошей оптики. В прошлой жизни она знала цену всему. Особенно — доверию.

Бинокль прижался к глазам, и белое поле скачком приблизилось.

Дым. Вот что она искала — и нашла. Столбы дыма, поднимающиеся из десятков точек по всему городу: тонкие, серые, почти невидимые на фоне серого неба, но различимые, если знать, куда смотреть. Каждый столб — это дом. Каждый дом — это люди. Живые, дышащие, жгущие мебель, книги, одежду, паркет — всё, что горит, — чтобы не замёрзнуть.

Десятки домов. Может — сотни.

Мы не одни.

Она повела биноклем вправо — медленно, систематично, как сканер, — и остановилась на ближайшем здании. Соседний дом — тридцать пять метров через засыпанный двор. Шестнадцатизэтажная панелька, типовая, безликая, из тех, что строили тысячами и о которых не

вспоминали. Окна пятого и шестого этажей — заколочены досками, из щелей сочился свет. Тусклый, желтоватый — свечи или масляные лампы. На крыше — антенна, обмотанная проволокой и тряпками, кривая, самодельная конструкция, похожая на радиомачту.

Радио. У них есть радио.

Эльза перевела бинокль правее. Следующий дом — дальше, метров семьдесят. Девятиэтажка. Тоже дым, тоже свет в окнах. И — на фасаде, между четвёртым и пятым этажами, — надпись. Красная. Крупная. Сделанная краской — или кровью. На расстоянии не отличить.

«ЖИВЫЕ ЕСТЬ. ТОРГУЕМ. СТУЧИТЕ 3 РАЗА.»

Она прочитала это дважды. Торгуем. Значит — у них есть чем. Значит — у них есть система. Примитивная, звериная, но система. Спрос, предложение, цена. Рынок на костях цивилизации.

Дальше — ещё один дом. И ещё. И ещё. У каждого — свои знаки жизни: дым, свет, протоптанные тропы в снегу между зданиями, похожие на муравьиные дорожки. На стенах — надписи: «НЕ ВХОДИТЬ», «ВОДА — 3 ЭТ.», «МЁРТВЫХ НЕ ТРОГАТЬ». Город не умер — он раздробился на сотни осколков, каждый из которых жил или умирал по своим законам.

Эльза методично запоминала: расположение, расстояние, признаки жизни, уровень организации. Мозг работал как всегда — холодно, чётко, без лишних эмоций. Каждый дом — это переменная в уравнении. Каждый столб дыма — данные. Она не смотрела на город — она его считывала.

Потом она повернулась на запад — и замерла.

Промзона. За кварталами жилых домов, за пустырьём, который теперь был просто ровным участком белого поля, — комплекс промышленных зданий. И оттуда поднимался дым совсем другого рода.

Чёрный. Густой. Маслянистый. Не тонкий столбик от горящей мебели — мощный, плотный поток, как от работающего производства. Кто-то в промзоне жёг что-то в промышленных масштабах.

Что?

Топливо? Мусор?

Тела?

Мозг — тренированный, аналитический, давно лишённый иллюзий — уже считал. Два миллиона жителей. Девяносто пять процентов — по самым оптимистичным оценкам — погибли в первые недели. Один миллион девятьсот тысяч тел. Замёрзших, сохранённых холодом, не разлагающихся — пока. В домах, на улицах, в машинах, в метро. Везде.

Один миллион девятьсот тысяч тел.

Она не закончила мысль. Не хотела. Вместо этого повернулась на юг и подняла бинокль снова.

И увидела свет.

Не дым — свет. Яркий, электрический, невозможный. Прожектор — или несколько прожекторов — бил в серое небо откуда-то из-за горизонта зданий, как маяк в тумане. Настоящее электричество. Не свечи, не масляные лампы — мощное, постоянное, жрущее киловатты.

У кого-то работает генератор. Не бытовой, который тянет лампочку и зарядку, — промышленный. Такой, для которого нужно топливо. Много топлива. И люди, которые умеют его обслуживать. И другие люди, которые охраняют первых.

Кто?

Военные? Правительство? Выжившая инфраструктура?

Или — кто-то, кто захватил электростанцию. Или дизельный склад. Кто-то, у кого достаточно людей и оружия, чтобы удерживать объект стратегического значения.

Кто-то, с кем ей придётся иметь дело.

Эльза опустила бинокль. Постояла, глядя на юг. Ветер рвал полы куртки, забирался под капюшон, кусал каждый сантиметр открытой кожи. Она дала себе ещё тридцать секунд — и повернулась к двери.

Но остановилась.

Внизу — во дворе, на тропе, протоптанной между их домом и соседней панелькой, — движение. Люди. Пятеро. Шли по тропе медленно, тяжело, увязая в снегу по колено. Все — в тёмной одежде, в масках, в капюшонах, неразличимые, как тени. У одного — за спиной — что-то длинное. Ружьё? Труба? Палка?

Впереди шёл человек с белой тряпкой на палке. Ткань трепыхалась на ветру, рвалась из рук, и он прижимал древко к телу, согнувшись, как старик.

Белый флаг.

Переговоры. Или — ловушка.

Эльза подняла бинокль. Навела. Руки не дрожали — на морозе пальцы давно онемели, и это было даже удобно: никакого тремора.

Пятеро. Все мужчины — по телосложению, по походке. Одеты тепло, но не одинаково: у кого-то — пуховик, у кого-то — ватник, у третьего — что-то вроде шубы, вывернутой наизнанку. Не военные. Не организованная группа. Скорее — сборная солянка, наскоро собранная для вылазки.

Длинный предмет за спиной второго — ружьё. Двустволка, судя по силуэту. Охотничья. У остальных — если и есть оружие, то скрытое.

Идут уверенно, но оглядываясь. Не как люди, которые знают дорогу, — как люди, которые знают, что дорога может убить.

Первый контакт. Настоящий. Не следы на снегу, не дым на горизонте — живые люди, идущие к её двери.

Кто? Торговцы из девятиэтажки с надписью? Разведчики от тех, кто жжёт прожекторы? Посланники соседней панельки?

Или — те, кто торгует мясом?

Эльза достала рацию из внутреннего кармана. Нажала кнопку. Треск, шипение — аккумулятор держал, но с каждым днём хуже.

— Вадим Петрович. Говорит Эльза. Пятеро неизвестных приближаются к дому с юго-запада. По тропе от панельки. Один — с двустволкой. Несут белый флаг. Ориентировочное время подхода — десять-двенадцать минут. Усильте пост на втором этаже. Не стрелять — до моего приказа.

Пауза. Треск.

— Принял. Поднимаю Фёдора и Дениса. Будем на месте через три минуты.

— Рацию держите включённой. Я спускаюсь.

Она убрала рацию. Посмотрела ещё раз вниз — на пятерых, которые уже прошли половину двора и приближались к заваленному снегом подъезду, — и быстро пошла к двери.

Лестница с крыши — узкая, техническая, покрытая инеем. Перила обжигали даже через перчатки. На двадцать третьем этаже — темнота: лампочки сдохли в первую неделю, а тратить батареи на освещение верхних этажей Эльза запретила. Она шла по памяти, считая ступени, касаясь стены правой рукой.

Двадцать второй, двадцать первый, двадцатый.

На каждом этаже — закрытые двери квартир. За некоторыми — тишина. Пустая, мёртвая, абсолютная тишина, которая бывает только там, где некому дышать. За другими — звуки: кашель, бормотание, скрип половиц, иногда — плач. Тихий, сдавленный, как будто человек плачет, прижав ладонь ко рту, чтобы не слышали соседи.

Эльза не останавливалась.

Девятнадцатый, восемнадцатый, семнадцатый.

Здесь — чуть теплее. Не потому что работало отопление — отопление умерло вместе с городом, — а потому что на семнадцатом жили люди, которые жгли мебель в железной бочке, установленной прямо в коридоре. Дым уходил в пробитую дыру в стене, и на этаже постоянно висела серая пелена, пахнувшая горелым лаком и сырой древесиной. Но было градусов на десять теплее, чем наверху. Здесь минус двадцать казался роскошью.

Шестнадцатый, пятнадцатый.

Четырнадцатый.

Её этаж.

Она остановилась у двери — тяжёлой, стальной, с тремя замками и системой засовов, которую Григорий Иванович собрал из строительных уголков и арматуры. Дверь выглядела как вход в банковское хранилище — серьёзная, молчаливая, внушающая уважение и страх. За ней — бункер. Тепло, свет, еда, вода, жизнь.

Эльза не вошла. Сейчас — не до чая. Она повернулась и продолжила спускаться.

Тринадцатый, двенадцатый, одиннадцатый.

Начиная с десятого этажа воздух менялся. Сначала — запах. Тонкий, кисловатый, как прокисшее молоко. Потом — гуще: моча, пот, немытые тела, гниющая ткань. Канализация перестала работать на третий день после катастрофы. Трубы замёрзли, лопнули, и с тех пор люди справляли нужду кто как мог: вёдра, пакеты, выбитые окна, лестничные площадки нижних этажей. К шестидесятому дню нижние этажи превратились в выгребную яму, и запах поднимался вверх, пропитывая стены, одежду, волосы — всё.

Эльза давно перестала замечать. Точнее — заставила себя перестать. Как и многое другое.

Десятый, девятый, восьмой. Быстрее. Ступени — скользкие, покрытые коркой льда от конденсата, который замерзал ночью и подтаивал днём от дыхания и тепла тел. Она держалась за перила и считала шаги.

На шестом этаже — дежурный пост. Фанерная стена поперёк коридора, щель-бойница, за стеной — табуретка, на табуретке — Костя, двадцать шесть лет, бывший айтишник, теперь — часовой с монтировкой.

— Эльза Андреевна. — Он встал. — Вадим Петрович передал — внизу готовятся.

— Знаю. Сиди. Наблюдай. Если услышишь стрельбу — закрой лестницу доской и никого не пускай. Ни вверх, ни вниз.

— А если...

— Никого. Ясно?

— Ясно.

Она прошла мимо. Пятый, четвёртый, третий.

Третий этаж — граница. Ниже — снег. Первый и второй этажи дома были погребены под сугробами, и выход наружу был возможен только через пролом в стене третьего этажа, ведущий на «террасу» утрамбованного снега. Этот пролом — единственная дверь между домом и миром — был заложен досками, листами фанеры и металлическими щитами, снятыми с рекламных конструкций. Баррикада.

Здесь — Вадим Петрович. Пятьдесят четыре года, бывший полицейский, крупный, седой, с лицом, которое выглядело так, будто его вырезали из куска гранита грубым инструментом. Рядом — Фёдор и Денис, оба моложе, оба вооружены: у Фёдора — охотничий карабин с тремя патронами, у Дениса — топор. Не туристический — строительный, тяжёлый, с длинной рукоятью. Денис держал его спокойно, привычно, как вещь, которая давно стала продолжением руки.

— Подходят, — сказал Вадим Петрович, не оборачиваясь. Он смотрел в щель между досками баррикады. — Метров сорок. Идут ровно. Белый флаг держат.

Эльза встала рядом и посмотрела.

Пятеро были уже близко. Она видела их лица — точнее, то, что оставалось видно: глаза, переносицы, полосы кожи между шарфами и шапками. Красные, обветренные, обмороженные. Лица людей, которые провели на морозе слишком долго.

Первый — тот, что с белым флагом — был высокий, худой, но двигался легко, как человек, привыкший к ходьбе. Лет тридцать, может, чуть больше. Глаза — цепкие, внимательные, бегающие: он осматривал дом, оценивал баррикаду, искал камеры, считал людей за досками.

Не рядовой посланник. Разведчик.

Второй — с ружьём — шёл чуть позади. Крепкий, приземистый, с тяжёлым лицом. Ружьё — за спиной, стволами вверх, демонстративно не в руках. «Я вооружён, но не угрожаю.» Старый трюк. Эльза видела его насквозь: снять ружьё с плеча — две секунды, развернуть — ещё одна. Три секунды — вечность и мгновение одновременно, в зависимости от того, на какой стороне ты стоишь.

Трое остальных — массовка. Поддержка. Носильщики, если повезёт. Свидетели, если нет.

Они остановились в десяти метрах от баррикады. Первый поднял руку — жест, который, видимо, означал «мы пришли с миром» на языке нового мира.

— Эй! — крикнул он. Голос — хриплый, сорванный, но громкий. — Мы из шестого дома! Торговцы! Пришли поговорить! Мирно!

Шестой дом. Девятиэтажка с надписью «ЖИВЫЕ ЕСТЬ. ТОРГУЕМ.»

Эльза посмотрела на Вадима Петровича. Тот — на неё. Секунда молчания, в которой прошёл целый разговор без слов.

— Говори, — сказала она тихо.

Вадим Петрович повернулся к щели.

— Стоять на месте! Оружие — на снег! Все — поднять руки!

Пауза. Первый переглянулся со вторым. Короткий спор — без слов, одними глазами. Потом второй медленно снял ружьё и положил на снег. Поднял руки. Остальные — тоже.

— Кто старший? — спросил Вадим Петрович.

— Я, — ответил первый. — Илья. Представитель Семёна Аркадьевича. Мы торговая группа. Пришли обсудить сотрудничество.

Семён Аркадьевич. Имя — конкретное, не кличка. Значит — структура, иерархия, самоназвание. Не банда — организация.

— Сколько вас? — спросил Вадим Петрович.

— Здесь — пятеро. В доме — тридцать семь. — Илья ответил сразу, без паузы, как человек, который знает, что информация — валюта, и платит авансом, чтобы получить доступ.

Тридцать семь. Немного. Но «торговая группа» — это связи, а связи — это больше, чем люди.

Эльза стояла за спиной Вадима Петровича и слушала. Не вмешивалась. Она давно научилась не показываться первой — пусть враг (или гость, или враг-гость, потому что в этом мире разницы почти не было) думает, что главный — мужчина у баррикады. Пусть недооценивает. Пусть смотрит не туда.

— Что предлагаете? — спросил Вадим Петрович.

Илья опустил руки — медленно, демонстративно.

— Семён Аркадьевич предлагает торговый союз. Обмен информацией, ресурсами, услугами. Мы знаем город. Знаем, кто где живёт, у кого что есть, кто опасен. Это — ценная информация. В обмен — мы хотим понять, что можете предложить вы.

— Мы можем предложить вам возможность уйти живыми, — сказал Вадим Петрович ровным голосом.

Илья не обиделся. Даже улыбнулся — одними глазами, потому что рот был закрыт шарфом.

— Справедливо. Но Семён Аркадьевич просил передать: мы — не враги. Мы торгуем со всеми. С панельками на севере, с больницей на западе, с одиночными домами. Мы — нейтральная сторона. Биржа, если хотите. Через нас проходит информация и товар. Вы можете быть частью этой сети. Или — не быть. Но тогда вы будете слепыми и глухими в городе, который становится всё опаснее.

Тишина. Ветер выл в щелях баррикады, нёс снежную пыль, забрасывал её в глаза.

Эльза тронула Вадима Петровича за плечо. Он шагнул в сторону.

Она подошла к щели. Не показала лицо — только голос. Глухой, ровный, без интонации.

— Какой информацией располагаете?

Илья повернул голову на звук. Его глаза сузились — он не ожидал женский голос. Перекалибровка. Секундная пауза, в которой он перестраивал модель: кто здесь главный? Мужчина с командным тоном — или женщина, которая стоит за ним?

— Обширной, — ответил он. — Карта живых домов в радиусе двух километров. Численность, ресурсы, лидеры, уровень угрозы. Информация о промзоне и о том, кто контролирует электричество на юге. Торговые маршруты. Цены. Курсы обмена. — Он помолчал. — И кое-что ещё. О чём лучше говорить не на морозе.

— Говорите на морозе.

— Мясо. — Илья произнёс это слово спокойно, как произносят слово «хлеб» или «вода». Буднично. — На юге — завод. Мясокомбинат. Там — человек, которого называют Кабан. У него — генераторы, дизель, люди. И производство. Он торгует мясом.

Пауза.

— В городе, где не осталось ни одного живого животного.

Эльза молчала. Она уже знала — догадывалась, считала, делала выводы. Но слышать это вслух, произнесённое будничным тоном, как часть торговой сводки, — было другим. Это было подтверждение.

— Кабан — опасен? — спросила она.

— Кабан — самый опасный человек в этом городе. У него — около восьмидесяти человек, из них двадцать пять-тридцать — вооружённые. У него — электричество, тепло, производственные мощности. И у него — рабы.

— Рабы.

— Люди из слабых домов. Пойманные, обменные, купленные. Работают на заводе. Кто отказывается — идёт в переработку.

Илья сказал это так, как говорят о плохой погоде. Без ужаса, без возмущения, без эмоций. Констатация. Факт. Часть нового мира, к которой он уже привык.

И Эльза — тоже не ужаснулась. Она — зафиксировала. Восемьдесят человек. Двадцать пять-тридцать вооружённых. Генераторы. Дизель. Рабы. Производство. Промзона. Юг.

Данные.

— Что хочет Семён Аркадьевич в обмен на эту информацию? — спросила она.

Илья чуть наклонил голову.

— Для начала — понять, с кем он имеет дело. Ваш дом — единственный в районе, из которого не просили помощи. Единственный, где горит свет на верхних этажах. Единственный, где никто не умер от голода. Это — вызывает вопросы. И интерес.

— Интерес — опасная вещь.

— Не более опасная, чем невежество. Семён Аркадьевич хотел бы встретиться. Лично. На нейтральной территории — или здесь, на ваших условиях. Без оружия. Один на один.

Эльза молчала. Считала. Не секунды — риски. Семён — торговец, а торговцы не нападают — они продают информацию тем, кто нападает. Встреча с ним — это утечка данных в обе стороны. Он узнает что-то о ней, она — что-то о городе. Вопрос — кто узнает больше.

— Передайте Семёну Аркадьевичу: встреча — здесь. Завтра. Полдень. Один, без оружия. Условия — не обсуждаются.

Илья кивнул.

— Передам. — Он помолчал. — Ещё кое-что. Бесплатно, в качестве жеста доброй воли. На севере — три панельки. Объединённые. Ими командует человек по имени Рустам. Бывший военный. У него — сто пятьдесят человек, сорок бойцов, оружие, дисциплина. Он считает, что весь этот квартал — его территория. Включая ваш дом.

— Спасибо за информацию.

— Не благодарите. Просто знайте: Рустам — не торгует. Он — берёт. И он уже знает о вас.

Илья поднял ружьё со снега, закинул за спину. Кивнул своим. Пятеро развернулись и пошли назад по тропе — медленно, тяжело, пять тёмных фигурок на белом поле.

Эльза смотрела им вслед.

Вадим Петрович подошёл.

— Что думаете? — спросил он.

— Думаю, что мы больше не одни, — сказала Эльза. — И это — плохо.

Она отвернулась от баррикады и пошла к лестнице.

— Вадим Петрович. Соберите штаб через час. Марк, Григорий Иванович, Артём, вы. На четырнадцатом. И — закройте баррикаду усиленную. Два человека на посту. Постоянно. С этой минуты.

— Принял.

Она поднималась по лестнице — мимо закрытых дверей, мимо запахов, мимо тихого плача за стеной на девятом этаже, мимо кашля на одиннадцатом, мимо тишины на двенадцатом — и думала.

Город — жив. Раздроблен, жесток, голоден, но жив. И в каждом осколке — свой хищник. Семён — хитрый, Рустам — сильный, Кабан — чудовищный. Три силы. Три вектора. И она — четвёртая. Маленькая. Незаметная. С семьюдесятью двумя людьми в одном доме.

Но у неё было то, чего не было ни у кого.

Она остановилась на четырнадцатом этаже. Открыла стальную дверь бункера. Вошла.

Тепло обняло её мгновенно — плотное, мягкое, живое. Плюс двадцать два градуса. Свет — тёплый, ровный, от светодиодных ламп, запитанных от аккумуляторов. Пол — тёплый, с подогревом от газового котла. Стены — обшитые деревом поверх металла, тёплые на ощупь. На кухне — чайник, из носика — пар. На столе — блокнот, ручка, карта района, нарисованная от руки.

Дом.

Она сняла куртку, балаклаву, перчатки. Повесила сушиться. Прошла в ванную, умылась — горячей водой, настоящей горячей водой, от которой зеркало запотело. Посмотрела на себя.

Двадцать восемь лет. Или — больше. В этой жизни — двадцать восемь. В той, другой — она не дожила до двадцати девяти. Лицо — худое, скуластое, с тёмными кругами под глазами, которые не проходили, сколько ни спи. Глаза — серые, холодные, неподвижные. Глаза человека, который видел собственную смерть — и вернулся.

Она отвернулась от зеркала. Прошла на кухню. Налила чай — настоящий, листовой, из жестяной банки, которую хранила в портале вместе с сотнями других. Добавила сахар — два куска, белого, рафинированного, такого, какого в городе не осталось ни у одного живого человека. Сахар таял в кружке, и чай становился золотистым, густым, ароматным.

Она села за стол. Отпила глоток. Закрыла глаза.

Секунда. Две. Три.

Потом — открыла глаза, придвинула блокнот и начала писать.

«День 60. Первый контакт.

Фракция 1: «Торговцы». Дом 6 (девятиэтажка, юго-восток). Лидер — Семён Аркадьевич. Численность — 37 чел. Представитель — Илья, ~30 лет, разведчик/дипломат. Вооружение — как минимум одна двустволка. Специализация — торговля, посредничество, сбор информации. Уровень угрозы — средний (не военная сила, но информационная). Мотивация — прибыль, контроль через знание. Встреча — завтра, полдень.

Фракция 2: «Панельки». Три дома на севере. Лидер — Рустам, бывший военный. Численность — ~150 чел., ~40 бойцов. Вооружение — неизвестно (предположительно: охотничье, травматическое, холодное, самодельное). Специализация — военный контроль территории. Уровень угрозы — **ВЫСОКИЙ**. Мотивация — доминирование, экспансия. Считает квартал своей зоной.

Фракция 3: «Завод». Промзона, юг. Лидер — Кабан. Численность — ~80 чел., ~25-30 вооружённых. Ресурсы — дизельные генераторы, электричество, производственные мощности. Специализация — ... »

Она остановилась. Посмотрела на ручку. На бумагу. На слово, которое нужно было написать.

Написала.

«Специализация — каннибализм. Переработка и торговля человеческими телами. Рабский труд. Уровень угрозы — **КРИТИЧЕСКИЙ**.»

Она поставила точку. Жирную, глубокую, продавившую бумагу.

Потом — перевернула страницу и написала заголовок.

«**ЗАДАЧИ. ПРИОРИТЕТ.**»

«1. Разведка. Установить точное расположение всех фракций, маршруты, ресурсы. Инструмент — снегоход (ночные вылазки, начать завтра).

2. Ресурсы. Обнаружить и зачистить все доступные склады, магазины, аптеки в радиусе 5 км. Всё — в хранилище. ВСЁ. Пока не забрали другие.

3. Семён. Встреча завтра. Цель — получить максимум информации, отдать минимум. Торговый союз — возможен, но на моих условиях.

4. Рустам. Главная угроза в краткосрочной перспективе. Не допустить конфликта, пока не готовы. Создать буферную зону.

5. Кабан. Главная угроза в среднесрочной перспективе. Слишком опасен, чтобы игнорировать. Слишком силён, чтобы атаковать сейчас. Собрать данные.

6. Больница (запад). Установить контакт. Врачи — ценный ресурс. Возможный союзник.»
Она перечитала список. Шесть пунктов. Шесть направлений. Каждое — с рисками, каждое — с ценой. В прошлой жизни она бы ужаснулась этому списку. В прошлой жизни она бы думала о том, как помочь людям, как спасти мир, как быть хорошей.

В прошлой жизни её за это убили.

Она допила чай. Вымыла кружку. Поставила на место — аккуратно, ручкой вправо, как всегда.

Потом — подошла к стене в спальне, положила ладонь на неприметный участок обшивки — и открыла портал.

Хранилище развернулось перед ней — бесконечное, тихое, неподвижное пространство без стен и потолка, залитое ровным, холодным светом. Стеллажи — ровные, аккуратные ряды — уходили во все стороны, и на них лежало всё, что она успела собрать за те лихорадочные дни перед катастрофой.

Консервы — тысячи банок. Крупы — мешки, десятки мешков. Мука, сахар, соль, масло, макароны, сухое молоко, детское питание, витамины. Медикаменты — антибиотики, обезболивающие, антисептики, бинты, шприцы, хирургические инструменты. Одежда — тёплая, зимняя, десятки комплектов. Инструменты — от отвёрток до сварочного аппарата. Генератор — маленький, бензиновый, запасной. Канистры с бензином — двадцать штук. Оружие — два

охотничьих ружья, пистолет, патроны. Аккумуляторы, солнечные панели (бесполезные сейчас, но на будущее), фильтры для воды, газовые баллоны, свечи, спички, зажигалки, верёвки, цепи, замки, камеры наблюдения, рации, бинокли, карты, компасы, спальные мешки, палатки.

И — снегоход. Чёрный, компактный, с полным баком и четырьмя запасными канистрами.

Эльза стояла на пороге хранилища и смотрела на всё это. Здесь — жизнь. Не метафора — буквально. Каждая банка тушёнки — это чей-то лишний день. Каждая упаковка антибиотиков — чья-то спасённая жизнь. Каждый литр бензина — километр пути.

И всё это — её. Только её. Ни одна живая душа не знала об этом пространстве. Для её людей — для Вадима Петровича, для Марка, для Артёма, для всех семидесяти двух человек в доме — запасы Эльзы были загадкой. Откуда еда? Как она хранится? Почему не кончается? Они спрашивали — в начале. Потом перестали. Потому что вопросы — опасны, а ответы — ещё опаснее. И потому что, когда тебе дают еду в мире, где люди едят людей, — ты не спрашиваешь, откуда она. Ты ешь. И молчишь. И подчиняешься.

Эльза закрыла портал. Стена стала стеной.

Она вернулась за стол, открыла блокнот на странице «ГОРОД» и начала рисовать карту. Их дом — в центре. Панельки Рустама — на севере. Девятиэтажка Семёна — на юго-востоке. Завод Кабана — на юге. Больница — на западе. Между ними — десятки безымянных домов, пустых или полуживых, и белое поле, бескрайнее, как океан.

Она рисовала и думала.

В прошлой жизни я протянула руку — и мне её отрубили.

В этой — я не протяну руку никому. Я протяну — сеть.

Рация на столе зашипела.

— Эльза Андреевна. Штаб собран. Ждём.

Она встала. Застегнула куртку. Взяла блокнот, ручку, карту.

И пошла вниз — в холодный, вонючий, тёмный подъезд, где её ждали четверо мужчин, которые думали, что понимают, в каком мире они живут.

Они не понимали. Никто не понимал. Кроме неё.

Потому что она уже умирала в этом мире однажды. И знала его изнутри — не как человек, который выжил, а как человек, который не выжил и вернулся, чтобы взять реванш.

На лестничной площадке двенадцатого этажа она остановилась. Прислушалась. Тишина — но не пустая. За дверью квартиры справа — кто-то дышал. Тяжело, с хрипом, с присвистом. Больной. Или умирающий. Разница — в нескольких днях.

Эльза постояла секунду. Две. Три.

Потом — пошла дальше.

У неё было дело важнее.

У неё всегда было дело важнее.

Глава 2. Торговец

Семён Аркадьевич пришёл ровно в полдень.

Один, как договаривались. Без оружия — по крайней мере, без видимого. Невысокий, плотный, в добротном пуховике — не новом, но качественном, из тех, что покупают в дорогих магазинах и носят годами. На голове — меховая шапка-ушанка, настоящая, норковая, нелепая в своей буржуазности и одновременно идеально практичная. На ногах — валенки. Не модные угги, не туристические ботинки — валенки, серые, подшитые, деревенские. Ноги в них не мёрзнут при минус пятидесяти. Семён Аркадьевич знал, что носить.

Лицо — круглое, мягкое, с щёчками, которые даже два месяца голода не смогли полностью съесть. Глаза — маленькие, карие, утопленные в складках век, но живые, подвижные, цепкие. Глаза человека, который всю жизнь считал деньги — чужие и свои — и никогда не

ошибался в подсчётах. Губы — полные, привыкшие улыбаться. Он и сейчас улыбался — не широко, не фальшиво, а так, как улыбаются люди, для которых улыбка — рабочий инструмент, отточенный десятилетиями.

Бывший владелец сети продуктовых магазинов. Три точки в городе, оптовая база, склад. Человек, который всю жизнь торговал едой, — и теперь, когда еда стала дороже золота, оказался в самом центре нового мира. Не потому что готовился — потому что умел.

Вадим Петрович обыскал его на входе. Методично, профессионально — так, как обыскивал задержанных в прошлой жизни. Семён стоял спокойно, расставив руки, слегка приподняв полы пуховика, и улыбался.

— Нож, — сказал Вадим Петрович, доставая из-за голенища валенка складной нож с деревянной рукоятью.

— Привычка, — ответил Семён. — Не для людей. Для колбасы. Хотя колбасы давно нет. — Он хохотнул — коротко, негромко, как будто извинялся за неудачную шутку.

— Пойдёмте.

Встречу Эльза назначила на третьем этаже — в квартире, которая стояла пустой с первой недели. Хозяева — молодая пара без детей — ушли «к родителям» на второй день катастрофы. Пешком, через сугробы, в минус тридцать. Не дошли, скорее всего. Никто не дошёл.

Квартира — стандартная двушка: прихожая, гостиная, спальня, кухня. Мебель — на месте, но часть уже разобрана на дрова: журнальный столик исчез, книжная полка — тоже, от шкафа остался только каркас. На полу — иней. На стенах — изморозь. Температура — минус пятнадцать, может, минус двадцать. Дыхание — облачками пара.

Эльза сидела за кухонным столом — единственным уцелевшим предметом мебели, если не считать двух табуреток. На столе — ничего. Пустая поверхность, протёртая от инея. Руки — на столе, на виду. Лицо — спокойное, закрытое, как стена.

Она сделала это намеренно. Встреча — здесь, на холоде, в мёртвой квартире, а не в бункере. Семён не должен видеть тепло, свет, уют. Не должен знать, как она живёт. Для него она — такая же, как все: выживающая, мёрзнущая, считающая каждую банку. Только — умнее.

Семён вошёл, огляделся, сел напротив. Улыбнулся.

— Холодно у вас.

— У нас — везде холодно, — ответила Эльза. — Что предлагаете?

Семён откинулся назад, насколько позволяла табуретка, и заговорил. Он говорил много, легко, без пауз — как человек, привыкший продавать. Голос — мягкий, обволакивающий, с интонациями, которые внушали доверие. Опасные интонации. Такие, от которых расслабляешься и перестаёшь считать.

Эльза не расслаблялась. Она слушала — и фильтровала.

Семён рассказал о городе. Подробно, системно, с числами и именами — как будто читал отчёт.

Живых в радиусе двух километров — от полутора до двух тысяч человек. Из двух миллионов. Меньше одного процента. Остальные — мертвы. Замёрзли, умерли от голода, убиты, покончили с собой. Тела — повсюду. В квартирах, в подъездах, в машинах под снегом, на улицах. Город — это кладбище, на котором живут.

Организованных групп — пять-шесть крупных и десятка два мелких. Крупные — это Рустам на севере, Кабан на юге, Семён сам, больница доктора Лены на западе, и ещё две-три группировки подальше, о которых информация неполная. Мелкие — это отдельные дома, в которых ещё теплится жизнь: десять-двадцать-тридцать человек, объединённых случаем, страхом и стенами.

И бродячие банды. Пять-семь групп по пять-пятнадцать человек, которые не привязаны к зданиям и кочуют по городу, грабя слабых. У некоторых — оружие. У всех — отсутствие тормозов.

— Сейчас — зима, — говорил Семён, и пар от его дыхания поднимался к потолку. — Настоящая зима. Не та, что была два месяца назад, — эта будет хуже. Температура продолжает падать. Минус пятьдесят два — это сегодня. Через неделю будет минус шестьдесят. Через месяц — может, минус семьдесят. Те, кто выжил до сих пор, — выжили на запасах. Запасы кончаются. Когда они кончатся совсем — начнётся настоящий ад.

— Настоящий ад — уже начался, — сказала Эльза. — На заводе.

Семён не дрогнул. Даже улыбка не погасла — только чуть поменяла форму, стала жёстче по краям.

— Кабан — это отдельная история. Он — территория, которую лучше обходить. Мы с ним торгуем — да. Через посредников. Не напрямую. И не тем товаром, о котором вы подумали. Кабану нужен дизель, запчасти, инструменты. Он платит — электричеством. Его генераторы могут заряжать аккумуляторы. Это — ценность.

— Вы торгуете с человеком, который ест людей.

Семён посмотрел на неё — прямо, без улыбки.

— Я торгую со всеми, кто жив. Это моя работа. Была — и есть. Мораль — роскошь сытых, дорогая моя. А мы — не сыты.

Он помолчал, потом продолжил — мягче, словно переключил регистр.

— Но я пришёл не о Кабане говорить. Я пришёл о вас. Ваш дом — загадка. Шестьдесят дней — ни одного запроса о помощи. Ни одной попытки торговли. Ни одного контакта с внешним миром. Свет на верхних этажах — стабильный. Дым из трубы — ровный, постоянный, значит, топливо есть. Людей — живых, здоровых, сытых — я насчитал не меньше двадцати только через окна. Для дома, в котором до катастрофы жило меньше сотни человек, — это поразительный процент выживаемости.

Он наклонился чуть вперёд.

— Вопрос простой: как? У вас нет генератора — по крайней мере, снаружи не слышно. У вас нет склада — по крайней мере, никто не видел поставок. У вас нет торговых связей — по крайней мере, до сегодняшнего дня. Откуда — еда, топливо, тепло, свет?

Эльза смотрела на него. Молча. Лицо — неподвижное, как маска.

— Это не ваше дело, — сказала она.

— Разумеется, — легко согласился Семён. — Но это — дело Рустама. Который задаёт те же вопросы. И в отличие от меня — не спрашивает вежливо.

Тишина. Ветер за окном — тонкий, воющий, как больное животное.

— Что вы знаете о Рустаме? — спросила Эльза.

— Всё. — Семён снова улыбнулся — и на этот раз улыбка была настоящей, потому что он чувствовал, как баланс переговоров смещается в его сторону. — Рустам Ильдарович Хакимов, тридцать восемь лет, капитан запаса, мотострелковые войска, две командировки, ранение, комиссован. До катастрофы — охранное предприятие. После — объединил три панельных дома в военный лагерь. Жёсткая вертикаль, дисциплина, наказания за неподчинение — публичные побои. Ввёл «налог» — тридцать процентов ресурсов с каждого дома в его зоне. Молодых мужчин — мобилизует. Женщин — не трогает. Пока. Детей — кормит в первую очередь. Это, кстати, причина, по которой большинство ему подчиняется: он — жестокий, но дети — сыты.

— Оружие?

— Охотничьи ружья — пять-шесть. Травматика — десяток стволов, но на морозе она ненадёжна. Холодное — у каждого. Самодельное — есть арбалет, один или два, и я слышал о коктейлях Молотова, но не подтверждено. Его главное оружие — не стволы. Его главное оружие — сорок мужчин, которые выполняют приказы без вопросов.

Эльза слушала и записывала — мысленно, не на бумагу. Каждое имя, каждое число, каждая деталь укладывалась в структуру, которую она строила в голове с момента, как увидела первый дым с крыши.

— Почему вы рассказываете мне это? — спросила она. — Вы торгуете информацией. Зачем отдавать бесплатно?

Семён хлопнул ладонями по коленям — жест, который, наверное, был привычным в прежней жизни, в офисе, на совещании, за столом переговоров.

— Потому что вы — новый игрок. А новые игроки меняют расклад. Рустам хочет весь квартал. Кабан — расширяется на запад. Между ними — я, маленький, слабый, с тридцатью семью ртами и одним ружьём. Мне нужен противовес. Вы — потенциальный противовес.

— Или жертва.

— Или жертва. Зависит от того, что вы решите.

— Что вы хотите в обмен на «сотрудничество»?

— Десять процентов. От всего, что вы добываете, производите, имеете. Десять процентов — мне. В натуральном выражении: еда, медикаменты, топливо. В обмен — полная информационная поддержка: кто, где, сколько, когда. Карта города. Обновления — еженедельно. Контакты с другими группами — через меня. Торговые операции — через меня.

— Пять процентов. И я сама решаю, с кем и как торговать.

Семён поднял брови.

— Пять — мало.

— Пять — достаточно для человека, который без меня останется между Рустамом и Кабаном без единого союзника.

Тишина. Семён смотрел на неё, и в его маленьких карих глазах работал калькулятор — тот же, что работал всю жизнь, только теперь валюта была другой.

— Семь, — сказал он. — И я не передаю информацию о вас Рустаму. Никогда. Ни за какую цену.

— Семь. И вы даёте мне полную карту всех складов, магазинов и аптек в радиусе пяти километров. Всех, о которых знаете.

— Карту — дам. Но учтите: половина из них уже пуста. Мародёры работают быстро.

— Это моя забота.

Семён протянул руку. Плотная, мягкая ладонь, пальцы — короткие, с обкусанными ногтями.

Эльза посмотрела на руку. Потом — пожала. Коротко, без лишнего давления.

Сделка.

— Карту принесёте завтра, — сказала она. — Через Илью. Тот же порядок: один, без оружия, к баррикаде. Пароль — «полдень».

— Будет.

Семён встал, застегнул пуховик, поправил шапку. Посмотрел на неё — оценивающе, с интересом, как смотрят на вещь, которую хочется купить, но цена пока неясна.

— Можно вопрос? — сказал он у двери.

— Можно.

— Вы — кто? До всего этого. Кем работали?

— Это не имеет значения.

— Может быть. Но мне любопытно. Потому что я торгую с людьми тридцать лет. И я умею читать людей. Рустама — читаю: военный, приказ-подчинение, простая схема. Кабана — читаю: психопат, сила, страх. Доктора Лену — читаю: идеалистка, жертва собственных принципов.

Он помолчал.

— Вас — не читаю. И это — меня беспокоит.

— Пусть беспокоит, — сказала Эльза. — Беспокойство полезно. Оно заставляет думать. Семён хохотнул — на этот раз искренне.

— До завтра, — сказал он и вышел.

Эльза осталась одна в пустой, холодной квартире. Сидела за столом, слушала, как шаги Семёна удаляются по коридору, как хлопает дверь подъезда, как скрипит снег под валенками.

Потом — встала и спустилась на второй этаж, к баррикаде.

Вадим Петрович ждал.

— Ну? — спросил он.

— Торговый союз, — сказала Эльза. — Семь процентов в обмен на информацию. Он даст карту складов. Завтра.

— Доверяете ему?

— Нет. Но он полезен. Пока полезен — пусть живёт.

Вадим Петрович промолчал. Но Эльза увидела, как дрогнул мускул у него на скуле — маленькое, почти незаметное движение, которое она уже научилась распознавать. Несогласие. Не с решением — с формулировкой. «Пусть живёт» — как будто жизнь человека зависела от её разрешения.

Зависела. Вадим Петрович это знал. И это его беспокоило.

— Штаб, — сказала Эльза. — Через двадцать минут. На четырнадцатом.

Она поднялась в бункер. Закрыла дверь — все три замка, засов, стопор. Сняла куртку. Умылась. Налила чай.

И открыла портал.

Снегоход стоял в хранилище — чёрный, хищный, как зверь в клетке. Полный бак. Четыре запасные канистры. Глушитель — самодельный, собранный Григорием Ивановичем из водопроводных труб и стальной ваты, — привинчен к выхлопу. Не идеал, но на расстоянии триста метров — почти бесшумен.

Рядом — экипировка: белый маскхалат, термобельё, утеплённый комбинезон, очки, перчатки с подогревом (на батарейках, хватает на четыре часа), налобный фонарь с красным фильтром (не слепит и не виден издали).

Сегодня ночью — первый выезд.

Она закрыла портал и вернулась за стол. Открыла блокнот. На странице «ГОРОД» донесла:

«Семён. Встреча проведена. Оценка: умный, жадный, трусливый. Трусливый — в хорошем смысле: не полезет на рожон, пока не уверен в победе. Торгует с Кабаном — значит, готов работать с чудовищами. Не враг — инструмент. Надёжность — 40%. Контроль — через зависимость от информации и ресурсов.

Карта складов — завтра. Начать зачистку — завтра ночью.

Приоритет: ближайший супермаркет (два квартала, юго-восток). По данным Семёна — частично разграблен, но не полностью. Оценить, что осталось. Всё — в хранилище.»

Она закрыла блокнот. Посмотрела на часы — электронные, на батарейке, единственный хронометр в доме, не считая ещё двух, спрятанных в хранилище как резерв.

Четырнадцать двадцать.

Через шестнадцать часов — ночь. Через восемнадцать — она будет на снегоходе, в белом маскхалате, в ледяной темноте, одна.

Одна — как всегда.

Штаб собрался в четырнадцать сорок на четырнадцатом этаже — в квартире напротив бункера, которую Эльза отвела под «оперативное помещение». Здесь было теплее, чем в остальном доме, — по трубам, скрытым в стене, шёл горячий воздух от газового котла в бункере. Не жарко — градусов пять-восемь выше нуля, — но после минус двадцати в коридорах это казалось тропиками.

Четверо мужчин. Каждый — на своём месте, в буквальном и переносном смысле.

Вадим Петрович. Правая рука. Безопасность, дисциплина, контроль. Он сидел прямо, руки на коленях, лицо — гранитное. Бывший полицейский, который до сих пор мыслил категориями «закон — нарушение — наказание», хотя закон давно сдох, а нарушением стало всё, что делали все. Верен — пока. Надёжен — почти. Вопросы задаёт — иногда. И это «иногда» Эльзу беспокоило.

Марк. Двадцать четыре года, бывший курьер, жилистый, быстрый, с лицом, на котором застыло выражение настороженной готовности — как у бродячей собаки, которая привыкла, что каждый угол может означать палку или кость. Он пришёл к Эльзе на второй неделе — голодный, замёрзший, с кухонным ножом за поясом, — и предложил себя: «Буду делать что скажете. Взамен — еда.» Без гордости, без условий. Чистый бартер. Эльза оценила — и взяла. Марк выполнял всё: разведку, патрулирование, грязную работу. Не спрашивал зачем. Не обсуждал приказы. Идеальный инструмент.

Григорий Иванович. Шестьдесят один год, инженер-электрик на пенсии, сухой, сутулый, с руками, покрытыми мозолями и ожогами от паяльника. Он жил в доме до катастрофы — на двенадцатом этаже, один, после смерти жены. Когда всё рухнуло — пришёл к Эльзе не за едой, а с предложением: «У меня руки и голова. Могу чинить всё, что ломается.» И чинил. Генератор, проводку, водяной фильтр, систему обогрева, рации, камеры — всё, что работало в бункере, работало благодаря ему. Молчаливый, неконфликтный, непритязательный. Ел мало, спал мало, жаловался — никогда. Эльза уважала его — или ближайшую к уважению вещь, на которую была способна.

Артём. Тридцать шесть лет, врач — хирург, если точнее, ординатор городской больницы, не успевший доработать до полноценной должности. Высокий, сутулый, с мягким лицом и руками, которые дрожали. Они начали дрожать на третьей неделе и не прекращали с тех пор. Артём лечил всех — своих, чужих, безнадёжных. Вправлял вывихи, вскрывал абсцессы, ампутировал обмороженные пальцы, зашивал раны — кухонной иглой и нитками из распущенного свитера, когда хирургический шовный материал заканчивался. Он был ценен — и знал это. И Эльза знала это. И оба знали, что его ценность — единственная причина, по которой он мог позволить себе несогласие.

— Ситуация, — начала Эльза без предисловий. Она никогда не тратила время на вежливость — не потому что была грубой, а потому что вежливость была роскошью, как мораль, как доверие, как сахар в чае.

Она изложила всё: встречу с Семёном, информацию о фракциях, расклад сил. Рустам, Кабан, торговцы, больница, бродячие банды. Числа, имена, оценки угроз.

Мужчины слушали молча. Лица — серьёзные, напряжённые. Даже Марк, который обычно сучал на совещаниях, — вслушивался в каждое слово.

Когда Эльза закончила, повисла тишина. Тяжёлая, как снег на крыше.

Первым заговорил Вадим Петрович.

— Рустам — главная угроза. Если он считает квартал своим — он придёт. Не завтра, так через неделю. Сто пятьдесят человек против наших семидесяти двух. Из которых боеспособных — двадцать пять, от силы тридцать. И то — «боеспособных» в кавычках. Костя с монтировкой — это не боец.

— Костя с монтировкой защищает свою жизнь, — возразил Марк. — Это мотивация получше любой подготовки.

— Мотивация не остановит пулю.

— Согласна, — сказала Эльза. — Прямое столкновение с Рустамом — самоубийство. Мы не будем воевать. Мы будем действовать иначе.

Она развернула карту на столе. Карандашом обвела их дом, панельки Рустама, девятиэтажку Семёна.

— Наше преимущество — не сила. Наше преимущество — ресурсы. У нас есть то, чего нет у Рустама: еда, тепло, медикаменты. Рустам кормит сто пятьдесят человек. Это — колоссальная нагрузка на его запасы. По моим оценкам, его ресурсы — на пределе. Он собирает «налог» с подконтрольных домов, но те дома — сами на грани голода. Через две-три недели его система начнёт трещать.

— А наша? — спросил Артём.

Эльза посмотрела на него.

— Наша — не начнёт.

— Откуда такая уверенность? — Артём не отвёл глаз. Его руки лежали на столе, и Эльза видела, как мелко подрагивали пальцы — то ли от холода, то ли от нервов, то ли от того, что вчера вечером он снова пил спирт из медицинских запасов. Она знала об этом. Не запрещала — пока.

— Оттуда, что я обеспечила запасы, — сказала Эльза. — Этого достаточно.

— Для кого — достаточно? Для тебя — может быть. Для нас — хотелось бы знать цифры.

— Цифры знаю я. Вам нужно знать одно: еды хватит. Надолго. Сосредоточьтесь на своих задачах.

Артём сжал губы, но промолчал. Ещё один разговор, не ставший ссорой — но ставший трещиной. Маленькой, волосяной, почти невидимой. Эльза их коллекционировала, как другие люди коллекционируют обиды: молча, методично, не забывая ни одной.

— План, — продолжила она. — Три направления. Первое — разведка. Сегодня ночью я выхожу в город.

Пауза.

— Одна? — спросил Вадим Петрович.

— Одна.

— Это безрассудно.

— Это необходимо. Мне нужно увидеть город своими глазами. Оценить маршруты, проверить склады, понять, что происходит за пределами нашего двора. Никто из вас этого сделать не может — у меня есть транспорт.

Транспорт. Она сказала это так, как говорят «у меня есть ключ от двери» — просто, буднично. Четверо мужчин переглянулись.

— Какой транспорт? — спросил Марк.

— Снегоход.

Тишина. Другая, не как раньше, — заряженная, электрическая.

— Откуда? — спросил Григорий Иванович. Первое слово за всё совещание, и оно — по делу.

— Был в запасе, — ответила Эльза и не стала уточнять. Они знали: уточнений не будет. Как не было уточнений о еде, которая появлялась каждый день, о медикаментах, которые не заканчивались, о батарейках, которые всегда были свежими.

— Второе направление — зачистка ресурсов, — продолжила Эльза, не дав паузе затянуться. — Семён даст карту складов и магазинов. Я буду забирать всё, что найду. Всё. До последней банки. До последнего гвоздя.

— Зачем — всё? — спросил Артём. — Мы не можем использовать «всё». Возьмите то, что нужно, оставьте остальное. Там — другие люди. Которые тоже ищут еду.

— Именно поэтому — всё, — сказала Эльза. — Каждая банка, которую я оставлю на полке, — это банка, которая достанется Рустаму. Или Кабану. Или бродячей банде, которая завтра придёт к нашей двери. Ресурсы — конечны. Кто их контролирует — тот контролирует город.

— Это... — Артём запнулся, подбирая слово. — Это бесчеловечно.

— Да, — согласилась Эльза. — И?

Артём посмотрел на неё — долго, тяжело, как смотрят на человека, в котором пытаешься найти что-то знакомое и не находишь. Потом опустил глаза.

— Третье направление — дипломатия, — продолжила Эльза. — Семён — торговый канал. Через него — информация и контакты. Больница доктора Лены — потенциальный союзник. Ей нужны медикаменты, нам нужны врачи и моральная легитимность.

— Моральная легитимность? — переспросил Вадим Петрович.

— Если мы когда-нибудь столкнёмся с Рустамом или Кабаном — нам нужно, чтобы другие группы были на нашей стороне. Или хотя бы не были на стороне противника. Доктор Лена — уважаемая фигура. Её поддержка — политический капитал.

Вадим Петрович кивнул — медленно, задумчиво. Он понимал логику. Не принимал — но понимал.

— Вопросы? — спросила Эльза.

— Когда вы планируете первый выезд? — спросил Григорий Иванович.

— Сегодня. Два часа ночи. Вернусь до рассвета — к шести.

— Глушитель я проверил, — сказал он. — Держит. На трёхстах метрах — еле слышно. На пятистах — не слышно совсем. Но если встанете рядом с домом, в котором живут люди, — услышат. Двигатель — не тихий.

— Учту.

— Я пойду с вами, — сказал Марк.

— Нет.

— Одна — опасно.

— Вдвоём — ещё опаснее. Второй человек — второй шанс на ошибку. Я иду одна. Вы остаётесь и контролируете дом. Вадим Петрович — общее командование. Марк — пост на втором этаже. Григорий Иванович — системы жизнеобеспечения. Артём — медблок.

Она встала. Совецание окончено.

— Ещё одно, — сказала она у двери. — О снегоходе — никому. Ни жильцам, ни дежурным, ни семьям. Чем меньше людей знают — тем меньше риск утечки. Если кто-то спросит, куда я ушла ночью, — ответ: «По делам». Без подробностей.

Четыре кивка. Четыре пары глаз — каждая с собственной мыслью, собственным сомнением, собственной маленькой трещиной.

Эльза вернулась в бункер. Закрыла дверь. Проверила системы: газ — стабильно, вода — фильтр в норме, электричество — аккумуляторы заряжены на семьдесят процентов, отопление — котёл работает ровно.

Потом — легла на кровать. Закрыла глаза.

Через восемь часов — выезд.

Она не спала. Лежала в темноте — намеренно выключила весь свет, чтобы глаза привыкали, — и думала.

Семён. Хитрый, жадный, полезный. Он будет торговать информацией о ней — это неизбежно. Вопрос — кому и за сколько. «Никогда не передам Рустаму» — слова. Слова стоят ровно столько, сколько стоит страх, который стоит за ними. Пока Семён боится Рустама — он будет держать слово. Когда перестанет бояться — или когда цена станет достаточно высокой — продаст.

Значит — нужно, чтобы Семён боялся её больше, чем Рустама.

Рустам. Военный. Прямолинейный. Сила — его язык, дисциплина — его инструмент. Такие люди — предсказуемы. Он придёт за ресурсами, когда его запасы иссякнут. Не «если» — «когда». И придёт не с дипломатией — с ультиматумом.

Значит — к этому моменту у неё должно быть достаточно козырей, чтобы ультиматум не сработал.

Кабан. Чудовище. Не человек — функция. Машина по переработке мира в мясо. У него — генераторы, дизель, люди-рабы. Он — далеко, но расширяется. Рано или поздно — дотянется.

Значит — нужно убрать его раньше, чем он дотянется до неё.

Доктор Лена. Идеалистка. Слабая. Полезная. Такие люди — расходный материал в этом мире. Они горят ярко и быстро, как свечи, и оставляют после себя только воск и темноту.

В прошлой жизни Эльза была такой свечой. Горела, светила, верила, что тепло — это ценность. А потом кто-то задул её — пальцами, мокрыми от крови.

Она повернулась на бок. Закрыла глаза крепче.

Хватит. Не думать о прошлой жизни. Прошлая жизнь — данные, не эмоции. Урок, не рана. Она извлекла из неё всё, что нужно: недоверие, расчёт, готовность делать то, что необходимо.

Готовность — ко всему.

В два часа ночи она встала. Оделась — быстро, по заученному алгоритму: термобельё, флисовый слой, утеплённый комбинезон, ветрозащитная куртка. Перчатки с подогревом — включить, проверить, выключить до выхода. Балаклава. Очки. Налобный фонарь — красный фильтр, проверить батарею. Маскхалат — белый, просторный, поверх всего.

Открыла портал. Вошла в хранилище. Положила руку на руль снегохода.

Привычное ощущение — холодный пластик под перчаткой, запах бензина, тишина бесконечного пространства вокруг.

Она активировала перенос. Снегоход — и она на нём — переместились из хранилища в реальный мир, в холл первого этажа, заваленный снегом наполовину, через пролом в стене.

Ледяной воздух ударил в лицо — даже через балаклаву, даже через очки. Минус пятьдесят четыре, судя по ощущениям. Тело напряглось, каждая мышца сжалась, кожа стянулась. Лёгкие обожгло — первый вдох на таком морозе всегда был как глоток кипятка наоборот.

Она завела двигатель. Глушитель работал — рокот мотора превратился в низкое, утробное гудение, почти неслышное. Почти.

Фара — выключена. Только красный налобник, тусклый, направленный вниз, на снег перед гусеницами. Достаточно, чтобы видеть на три метра вперёд. Недостаточно, чтобы быть замеченной с расстояния.

Эльза тронулась.

Снегоход выполз из пролома и оказался на поверхности снежного поля — ровного, бескрайнего, серебристого в лунном свете. Луна — бледная, размытая за пеленой облаков — давала достаточно света, чтобы различать силуэты зданий и контуры сугробов.

Город ночью выглядел иначе. Днём — мёртвый, белый, плоский. Ночью — чёрно-серебряный, объёмный, с тенями, которые ползли по сугробам, как живые существа. Дома — тёмные громады, утонувшие в снегу по пояс, — стояли молча, и только в редких окнах мерцал свет: свечи, огарки, масляные лампы. Жёлтые точки в чёрных провалах — как глаза, следящие из темноты.

Эльза ехала медленно. Не торопилась. Первый выезд — не для скорости, а для ориентировки. Понять маршруты, оценить дороги — точнее, то, что от них осталось под тремя метрами снега, — запомнить ориентиры.

Через пять минут она была в двух кварталах от дома. Территория, которую никто из её людей не видел два месяца. Другой мир.

Первое, что она увидела, — тело.

Оно лежало прямо на тропе, протоптанной между двумя домами. Мужчина — по размеру и одежде. На спине, руки раскинуты. Лицо — обращённое вверх, к небу, — белое, как снег вокруг, с открытыми глазами, которые заледенели и превратились в мутные стеклянные шарики. Рот — открыт, зубы оскалены, на губах — иней.

Он лежал здесь давно — может, неделю, может, две. Снег припорошил его, но не засыпал полностью: тропа была утоптана, и люди, проходившие мимо, просто — обходили. Как обходят камень на дороге. Или — лужу.

Эльза объехала тело и поехала дальше.

Через триста метров — ещё одно. Женщина. На боку, в позе эмбриона, укутанная в одеяло, которое заledenело и превратилось в панцирь. Она не лежала на тропе — она сидела у стены дома, прислонившись спиной, и замёрзла так, сидя. Может быть — заснула. Может быть — решила не просыпаться.

Рядом — маленький свёрток. Одеяло, шарф, шапка. Размер — детский.

Эльза не остановилась. Не посмотрела ближе. Не стала проверять, что в свёртке.

Она знала.

Дальше — перекрёсток. Два дома — друг напротив друга, через заваленную снегом улицу. Между ними — протоптанная тропа, широкая, утоптанная десятками ног. На стене правого дома — надписи. Много. Друг поверх друга, разными почерками, разными красками.

«ВОДЫ НЕТ НИ У КОГО НЕ ПРОСИТЕ»

«КВ. 14 — МЁРТВЫЕ. НЕ ВХОДИТЬ. ЗАПЕРТО.»

«МЕНЯЮ ОДЕЯЛА НА ЕДУ. 8 ЭТАЖ.»

«ЮРИЙ ПЕТРОВИЧ, ЕСЛИ ВЫ ЖИВЫ, МЫ НА 6 ЭТАЖЕ. ОЛЬГА.»

«ПОМОГИТЕ. ПОЖАЛУЙСТА. КТО-НИБУДЬ.»

Последнее — внизу, у самого сугроба, мелкими кривыми буквами, как писал ребёнок или человек, у которого не гнулись пальцы.

Эльза прочитала — машинально, как читают вывески на знакомой улице, — и поехала дальше.

Через десять минут — первая цель. Супермаркет. Большой, сетевой, двухэтажный — точнее, теперь одноэтажный, потому что первый этаж был погребён под снегом. Из сугроба торчала только верхняя часть фасада: вывеска — сломанная, висящая на одном креплении, — и окна второго этажа, часть из которых была выбита.

Эльза остановила снегоход в ста метрах. Заглушила двигатель. Прислушалась.

Тишина. Абсолютная, ватная, давящая. Ни ветра, ни скрипа, ни дыхания. Только — лёгкий звон в ушах от мороза, который сжимал барабанные перепонки.

Она подошла к зданию пешком. Влезла в окно второго этажа — аккуратно, проверяя каждую точку опоры. Внутри — темнота. Она включила фонарь.

Луч красного света скользнул по залу — и Эльза замерла.

Магазин был разгромлен — но не полностью. Мародёры прошли здесь, это очевидно: витрины разбиты, полки опрокинуты, на полу — осколки стекла, пластика, картона. Кассовые аппараты — вскрыты, деньги разбросаны (кому нужны деньги?), экраны — треснуты.

Но мародёры взяли только очевидное. Консервы — да, полки пусты. Вода — да, бутылки унесли. Алкоголь — подчистую. Хлебный отдел — пуст, но там и так всё бы заплесневело.

А остальное — осталось.

Бытовая химия — стиральные порошки, мыло, шампуни, зубная паста, отбеливатели, средства для мытья посуды. Кто думает о чистоте во время апокалипсиса? Никто. А зря — потому что антисептик для рук на спиртовой основе лечит раны не хуже медицинского спирта, а стиральный порошок можно использовать для очистки воды в крайнем случае.

Батарейки — целая витрина, нетронутая. АА, ААА, «крона», аккумуляторные. Золото. Чистое золото.

Лекарства из аптечного отдела — мародёры выпотрошили обезболивающие и жаропонижающие, но оставили всё остальное: витамины, антациды, средства от аллергии, глазные капли, перевязочные материалы, презервативы (противогрибковое, антисептическое — применений

десятки), даже антибиотики в маленькой секции рецептурного отпуска, до которой не добрались, потому что была закрыта на ключ. Эльза разбила стекло рукоятью ножа и забрала всё.

Корм для животных. Собачий, кошачий — мешки по десять-пятнадцать килограммов. Калорийный, сбалансированный, с витаминами и минералами. В мире, где животных больше нет — идеальная еда для людей, которые не могут позволить себе выбирать.

Семена. Маленький отдел «сад и огород» — пакетики с семенами, удобрения, торфяные горшочки. Бесплезно сейчас. Бесценно — потом. Если «потом» наступит.

Текстиль. Полотенца, постельное бельё, подушки, одеяла — те, что не украли. Одеяло — это жизнь. Буквально. Одно одеяло может сохранить человеку два-три градуса тепла, а два-три градуса — разница между жизнью и смертью при минус двадцати в квартире без отопления.

Инструменты. Отдел «всё для дома»: отвёртки, плоскогубцы, молотки, гвозди, шурупы, скотч, изолента, клей, верёвки, карабины. Каждый предмет — валюта. Каждый — может спасти жизнь или отнять её.

Эльза работала быстро и методично. Открывала портал — незаметно, привычным жестом, — и отправляла в хранилище. Полка за полкой, витрина за витриной, отдел за отделом. Предметы исчезали в портале мгновенно — как будто их и не было.

Через час — второй этаж супермаркета был пуст. Не «разграблен» — пуст. Голые полки, голые стеллажи, голый пол. Как будто кто-то вымел всё до последней пылинки.

Эльза спустилась на первый этаж — через внутреннюю лестницу, по пояс в сугробе, который намело через разбитые входные двери. Здесь — хуже: вода замёрзла, пол покрыт толстым слоем льда, на котором лежали обломки стеллажей и мусор. Но даже здесь — было чем пожить. Подсобка. Служебные помещения. Маленький склад, заваленный коробками, до которых мародёры не добрались, — потому что дверь была железная и запертая, а ломать её ради неизвестного содержимого никто не стал.

Эльза взломала замок за четыре минуты — монтировкой, которую достала из хранилища. За дверью — рай: ящики с консервами (резервный запас магазина), коробки с крупами, упаковки макарон, подсолнечное масло в пластиковых бутылках, сахар — двадцать мешков по пять килограммов.

Сто килограммов сахара.

В городе, где люди убивают за банку тушёнки.

Она отправила всё в хранилище. Каждый ящик, каждую коробку, каждый мешок. Работала без пауз, без перерывов, без мыслей о том, что эти ресурсы могли бы спасти десятки людей в соседних домах.

Могли бы. Но не спасут.

Потому что «спасти» — это слово из прошлой жизни. Из той жизни, где она верила, что помощь — это добродетель, а не уязвимость. Из той жизни, где она протянула руку — и ей за это перерезали горло.

Через два часа — супермаркет был мёртв. Не разграблен — именно мёртв. Выпотрошен до костей, как туша на бойне. Ни банки, ни коробки, ни батарейки. Кто бы ни пришёл сюда следующим — нашёл бы только пустые стены и ледяной пол.

Эльза вышла через окно второго этажа. Постояла на сугробе, глядя на чёрный силуэт здания.

Потом — села на снегоход и поехала дальше.

Следующая цель — аптека. Через квартал. Маленькая, районная, в жилом доме на первом этаже. Половина — под снегом, но витрина второго уровня (аптека была с мезонином) — доступна.

Здесь — то же самое. Мародёры забрали обезболивающие, снотворные, спиртовые настойки (пить). Оставили — антибиотики, гормональные, сердечные, инсулин (замёрзший, бесполезный — но Эльза взяла и его, на случай если найдётся способ проверить сохранность),

перевязочные материалы, хирургические перчатки, шприцы, дезинфицирующие средства, градусники — ртутные, не электронные, вечные.

Всё — в хранилище.

Потом — хозяйственный магазин. Потом — маленький продуктовый на углу, в котором нашлось ещё двадцать банок консервов, забытых за упавшим стеллажом. Потом — зоомагазин (корма, витамины для животных, аквариумные принадлежности — бесполезные, но Эльза взяла и их: кто знает, что пригодится).

К четырём часам утра — она объехала четыре объекта и вычистила каждый до голых стен.

Хранилище пополнилось на тонны. Буквально — тонны. Еда, лекарства, инструменты, материалы, одежда, химия, батарейки, семена. Если перевести в дни жизни — это были месяцы. Годы. Целые жизни, упакованные в бесконечное пространство, которое никто, кроме неё, не мог видеть, открыть или понять.

Она ехала домой — по пустому, мёртвому, лунному полю — и чувствовала то, что всегда чувствовала после удачной операции: не радость, не гордость, не облегчение. Удовлетворение. Холодное, механическое, как щелчок замка, который встал на место.

Ещё один шаг. Ещё один кусок мира — под контролем. Ещё одна ночь — прожита.

На подъезде к дому она заглушила двигатель за двести метров и дальше — пешком, толкая снегоход. Тяжело, но тихо. Никто не должен слышать. Никто не должен знать.

В проломе первого этажа она активировала портал и убрала снегоход обратно в хранилище. Мгновение — и машина исчезла, как будто её не было. Только следы гусениц на снегу — но через час позёмка заметёт и их.

Поднялась по лестнице. Двенадцать этажей в темноте, по обледеневшим ступеням, мимо закрытых дверей и глухого кашля за стенами. На восьмом — запах. Тот самый, который становился всё сильнее с каждой неделей: кислый, тяжёлый, многослойный. Пот, моча, гниль, дым, невытая одежда, болезнь. Запах вымирания.

На четырнадцатом — стальная дверь. Три замка, засов, стопор.

Бункер.

Тепло.

Эльза сняла экипировку. Повесила сушиться. Прошла в ванную. Горячая вода — настоящая, горячая, с паром — текла по рукам, смывая мороз, усталость, запах чужой смерти.

Она посмотрела в зеркало. Лицо — то же. Глаза — те же. Серые, неподвижные, как замёрзшая вода.

Что я сделала сегодня? Я вычистила четыре магазина. Забрала всё, что могло спасти сотни людей. Забрала — себе. Только себе.

Завтра — те люди, которые могли бы найти в этих магазинах еду, лекарства, батарейки, — не найдут ничего. Они придут к пустым полкам. И кто-то из них — умрёт. Потому что той банки тушёнки, которую я забрала из-за упавшего стеллажа, хватило бы ребёнку на два дня.

Я это знаю.

Мне всё равно.

Она отвернулась от зеркала. Прошла на кухню. Налила чай. Добавила сахар — два куска. Из тех ста килограммов, которые теперь лежали в хранилище, невидимые, бесконечные, принадлежащие только ей.

Открыла блокнот.

«Ночь 1. Зачистка.

Объект 1 — супермаркет (юго-восток, 2 квартала). Статус: полностью зачищен. Содержимое: продовольствие (консервы — ~200 ед., крупы — ~80 кг, макароны — ~40 кг, масло — 24 бут., сахар — 100 кг), бытовая химия (ассортимент), батарейки (~300 шт.), медикаменты

(ассортимент), корм для животных (~120 кг), семена, текстиль, инструменты. Всё — в хранилище.

Объект 2 — аптека. Статус: полностью зачищена. Содержимое: антибиотики (5 наименований, ~400 ед.), перевязочные, шприцы, дезинфекция, прочее. Всё — в хранилище.

Объект 3 — хозмаг. Статус: полностью зачищен.

Объект 4 — продуктовый. Статус: полностью зачищен.

Время операции: 2 часа. Маршрут — без инцидентов. Обнаружение — низкая вероятность (следы — позёмка заметёт к утру).

Следующая ночь — объекты 5-8 (по карте Семёна).

Примечание: на маршруте — тела. Два на тропах, одно — у стены дома (женщина + ребёнок). Множественные надписи на стенах. Население окрестных домов — на грани. Ресурсы — почти исчерпаны. Оценка: через 1-2 недели начнутся массовые голодные смерти в домах без организованного лидера.

Вывод: ускорить зачистку. Каждая ночь промедления — потенциальная потеря ресурсов в пользу конкурентов.»

Она поставила точку. Закрыла блокнот.

Допила чай. Вымыла кружку. Легла.

И — впервые за шестьдесят дней — увидела сон.

Не кошмар. Не воспоминание о прошлой жизни. Просто — магазин. Пустые полки. Белые стены. И в углу — девочка, лет шести-семи, в розовой куртке, с замёрзшими слезами на щеках. Девочка стоит и смотрит на полки — пустые, голые, мёртвые — и спрашивает:

— А где всё?

Эльза — во сне — не отвечает. Просто стоит и смотрит на девочку. И молчит.

Она проснулась в шесть утра. За окном — серое, тусклое, больное рассвет. Ещё один день.

Она встала, умылась, оделась. Открыла блокнот на странице «ЗАДАЧИ».

Вычеркнула первую строчку. Написала новую.

«День 61. Получить карту от Семёна. Ночь — объекты 5-8. Цель: полная зачистка всех доступных складов в радиусе 3 км до конца недели.»

Налила чай. Добавила сахар.

Стала пить. Медленно, маленькими глотками, ощущая каждую крупинку сладости на языке.

За стеной — за стальной, металлической, непроницаемой стеной бункера — кто-то кашлял. Тяжело, надрывно, с хрипом, который переходил в свист. Тот же звук, что вчера, что позавчера, что неделю назад.

Кашель становился слабее. Не потому что человеку становилось лучше. Потому что у него заканчивались силы кашлять.

Эльза пила чай.

За окном медленно, лениво, равнодушно падал снег — вечный, бесконечный, белый.

Глава 3. Пустые полки

За четыре ночи Эльза вычистила одиннадцать объектов.

Два супермаркета, три аптеки, хозяйственный магазин, строительный рынок (верхний ярус — нижний погребён под снегом навсегда), автозаправку, охотничий магазин, ветеринарную клинику и школьную столовую. Каждый — до голых стен. Каждый — методично, быстро, бесшумно.

Хранилище разбухало. Не физически — оно было бесконечным, и это слово Эльза давно перестала воспринимать как метафору. Бесконечное — значит, нет предела. Нет стен. Нет

потолка. Нет момента, когда нужно остановиться и сказать «хватит». Она могла засунуть туда весь город — каждый дом, каждый магазин, каждый кирпич, — и портал бы не поперхнулся.

Но тело — конечное. Руки — конечные. Время — конечное.

Каждую ночь — четыре часа. С двух до шести утра. Больше нельзя: рассвет выдаст, мороз убьёт, усталость сделает неосторожной. Четыре часа — это два-три объекта, если близко, один — если далеко или большой. За четыре ночи — одиннадцать. Ещё шесть объектов оставалось на карте Семёна в радиусе трёх километров. Потом — нужно расширять периметр. Пять километров. Семь. Десять.

Но сначала — проблема.

Её заметили.

Илья пришёл на пятый день — не по расписанию, без договорённости, один. Это уже было тревожным сигналом: Семён всегда работал по графику, как бывший бизнесмен, для которого нарушение расписания — признак хаоса, а хаос — потеря денег. Если Илья пришёл внепланово — значит, случилось что-то, что не могло ждать.

Вадим Петрович пропустил его через баррикаду. Обыскал — привычно, без нервов, как ритуал. Нож за голенищем — тот же, складной, с деревянной рукоятью. Других сюрпризов не было.

Встреча — снова на третьем этаже, в мёртвой квартире. Минус восемнадцать, иней на стенах, пар изо рта. Эльза сидела за столом. Илья — напротив.

Он выглядел иначе, чем в первый раз. Тогда — собранный, контролирующий, с цепкими глазами профессионального разведчика. Сейчас — встревоженный. Не испуганный — Илья, кажется, разучился бояться по-настоящему, — но заметно напряжённый. Плечи приподняты, челюсть сжата, пальцы постукивают по колену.

— Два магазина, — сказал он без предисловия. — «Пятёрочка» на Ленина и «Магнит» на Советской. Оба — в зоне, которую мы считали нашей. Оба — пусты.

Эльза молчала. Ждала.

— Не «разграблены», — продолжил Илья, и в его голосе появилась нота, которую Эльза определила как профессиональное восхищение, смешанное с профессиональной тревогой. — Пусты. Абсолютно. Полностью. До последнего тюбика зубной пасты. До последнего пакетика кетчупа. Я послал людей — они вернулись с пустыми руками и квадратными глазами. Говорят: как будто кто-то пропылесосил. Стеллажи стоят, полки на месте, даже ценники кое-где остались. А товара — нет. Ни единицы.

Он наклонился вперёд.

— Это невозможно, Эльза. Физически невозможно. Чтобы вывезти содержимое «Пятёрочки» — нужен грузовик. Даже два. Несколько рейсов. Грузчики. Время. Шум. Следы. Ничего этого нет. Следы снегохода — да, есть. Одного снегохода. Один комплект следов от гусениц. Один человек.

Он помолчал.

— Один человек вычистил два супермаркета за одну ночь. Как?

Эльза смотрела на него. Лицо — маска. Глаза — лёд.

— Это не ваш вопрос.

— Это мой вопрос, — возразил Илья, и голос стал жёстче. — Потому что Семён Аркадьевич — нервничает. А когда Семён Аркадьевич нервничает — он начинает считать варианты. И самый простой вариант — продать информацию о вашем снегоходе Рустаму. За хорошую цену. Рустам заплатит — он давно хочет знать, откуда у вас ресурсы.

— Семён обещал не передавать информацию обо мне Рустаму.

— Семён обещал не передавать информацию о вас. Информация о снегоходе — это информация о снегоходе, не о вас. Семён — юрист по образованию. Он любит формулировки.

Тишина. Ветер за окном — тихий, шелестящий, как дыхание спящего великана.

Эльза просчитывала. Быстро, как всегда — не эмоциями, а вероятностями.

Семён продаст информацию — вероятность 60-70%, если не получит достаточный стимул молчать. Рустам узнает о снегоходе — вопрос времени, не принципа. Когда узнает — захочет забрать. Снегоход — мобильность, топливо, стратегическое преимущество. Для военного вроде Рустама — это как танк в мире пехотинцев.

Варианты. Первый: дать Семёну больше, чтобы молчал. Плохой вариант — аппетиты будут расти. Второй: угрожать Семёну. Тоже плохой — он трусливый, но не глупый, и загнанный в угол трус опаснее храбреца. Третий: сделать утечку информации бесполезной. Лучший вариант — но как?

— Передайте Семёну Аркадьевичу, — сказала Эльза, — что я готова увеличить его долю до десяти процентов. С условием: он предоставляет мне полный список всех складов, оптовых баз и распределительных центров в радиусе десяти километров. Не магазинов — складов. Крупных. Промышленных.

Илья поднял брови.

— Десять процентов — щедро. Но Семён хочет знать — десять процентов от чего? Он не понимает, откуда у вас столько. И это непонимание — главная проблема.

— Десять процентов от того, что я ему покажу. Каждую неделю — поставка. Он увидит объём и решит, стоит ли продавать меня Рустаму за один раз — или зарабатывать на мне постоянно.

Илья обдумал это. Кивнул — медленно, с уважением.

— Разумно. Передам. Но — ещё одно.

— Говорите.

— Аптеки. Вы зачистили три аптеки. Это... — он подбирал слово, — это создаёт проблему. Доктор Лена — из больницы — рассчитывала на две из них. Она посылала людей — нашли пустые стены. Она — в отчаянии. У неё — тридцать человек, из них двенадцать — больные, четверо — тяжёлые. Без антибиотиков — двое умрут на этой неделе.

Он посмотрел на Эльзу прямо.

— Вы это знали?

— Да.

— И?

— И — я готова поставить доктору Лене антибиотики. В обмен на сотрудничество. Передайте ей: я жду её представителя. Те же условия — один, без оружия, к баррикаде.

Илья встал. Помедлил.

— Вы — странный человек, Эльза. Вы забираете у людей всё, а потом — продаёте им часть обратно. По своей цене.

— Это называется «экономика», — сказала Эльза. — Семён Аркадьевич должен оценить.

Илья ушёл. Эльза осталась одна.

Она не двигалась несколько минут. Сидела в холодной квартире, глядя на заиндевшее окно, за которым серый свет умирающего дня ложился на сугробы.

Аптеки. Двое умрут без антибиотиков. Она знала. Она — забрала. И теперь — будет продавать обратно.

В прошлой жизни эта мысль вызвала бы тошноту. В этой — только удовлетворение от того, что план работает.

Доктор Лена придёт. Или пришлёт кого-то. И Эльза получит то, что ей нужно: союзника, который обязан ей жизнями своих пациентов. Союзника, который не сможет отказать, когда Эльза попросит — потому что следующая партия антибиотиков зависит от её ответа.

Зависимость. Контроль. Рычаг.

Три слова, которые заменили ей веру в людей.

На шестую ночь всё пошло не так.

Эльза выехала в два часа — как обычно. Цель — продовольственный склад на окраине, тот самый распределительный центр, о котором рассказал Семён. Пять километров к югу, через промзону, мимо территории Кабана. Опасный маршрут, но приз — огромен: по данным Семёна, на складе — сотни тонн продовольствия. Крупы, консервы, масло, мука, замороженные полуфабрикаты. Всё — сохранённое морозом, как в гигантском холодильнике.

Если она заберёт этот склад — вопрос ресурсов будет закрыт на годы. Буквально — на годы. Для всех, кого она решит кормить.

Маршрут она проложила заранее — по карте, в обход жилых кварталов, через промышленную зону, где ночью — никого. Глушитель — проверен. Фара — выключена. Красный налобник — минимальная мощность.

Первые три километра прошли штатно. Снегоход мягко резал снежное поле, оставляя за собой борозду, которую позёмка начинала засыпать мгновенно. Тишина. Темнота. Луна — бледная, как синяк.

На четвёртом километре Эльза почувствовала запах.

Сладковатый, тяжёлый, маслянистый — не тот, который бывает от горящей мебели или книг. Другой. Промышленный. Химический. И под ним — ещё один, едва уловимый, который она не могла определить, но от которого сжималось что-то в животе, на уровне инстинкта, на уровне первобытного отвращения.

Завод Кабана. Она была близко — ближе, чем планировала. Ветер изменился и нёс дым прямо на неё.

Эльза остановила снегоход. Заглушила двигатель. Прислушалась.

Гул. Низкий, равномерный, еле слышный — работающий генератор. И — ещё что-то. Ритмичное. Металлическое. Стук. Или — удары.

Она достала бинокль. Навела на юго-запад, откуда шёл звук.

Завод — в восьмистах метрах. Чёрная громада зданий на фоне чуть более светлого неба. Из двух труб — дым, подсвеченный снизу оранжевым отсветом. Огонь внутри. Печи. Проекторы на крыше — выключены, но рядом с ними — фигуры. Часовые. Двое, может, трое. Стоят у парапета, курят — маленькие красные точки сигарет в темноте.

Периметр — забор из наваренного металла, сетки-рабицы и колючей проволоки. Ворота — закрыты. У ворот — будка, в будке — свет. Охрана.

Во дворе — движение. Даже в два часа ночи — кто-то ходит, кто-то работает. Фонари — два — освещают площадку перед главным зданием. Эльза навела бинокль точнее.

Загон.

Металлический ангар без стен — крыша на столбах, три стены из профнастила, четвёртая — открытая, выходящая во двор. Под крышей — люди. Много. Двадцать, может, тридцать. Лежат на бетонном полу, прижавшись друг к другу, накрытые тряпьем — кто чем нашёл. Без матрасов, без подстилки, без нормальных одеял. Просто — тела на бетоне, на морозе, под жестяной крышей.

Рабы.

Эльза смотрела. Лицо — неподвижное. Руки — не дрожали.

Она перевела бинокль правее. Грузовая площадка. Двое мужчин — в тёплых куртках, с оружием (автоматы? нет, скорее — ружья, но в темноте не разобрать) — стояли у борта пикапа. В кузове — мешки. Те самые. Длинные, бесформенные, характерных очертаний, которые ни с чем нельзя спутать.

Мешки двигались.

Нет. Один из мешков двигался. Шевелился изнутри — слабо, как будто у того, кто внутри, почти не осталось сил. Короткое, судорожное подёргивание, потом — замер.

Один из мужчин подошёл к борту, посмотрел на мешок, сказал что-то второму — Эльза не слышала, расстояние слишком большое, — и оба рассмеялись. Коротко, буднично, как смеются над рабочей шуткой.

Потом — взяли мешок за концы и понесли к зданию. Второй мешок — неподвижный — остался в кузове.

Эльза опустила бинокль.

Она стояла на снежном поле, в ледяной темноте, в белом маскхалате, невидимая и несуществуемая, — и впервые за шестьдесят дней почувствовала то, что не могла назвать ни расчётом, ни стратегией, ни планом.

Ярость.

Не ту, которая приходит от обиды. Не ту, которая рождается из страха. Другую — холодную, тяжёлую, давящую, как сам воздух на этом морозе. Ярость, которая не кричит, а молчит. Которая не бьёт кулаком по столу, а записывает в блокнот координаты и количество часовых.

Она села на снегоход. Завела двигатель. Поехала — мимо завода, по широкой дуге, держаась на расстоянии километра. К складу.

Распределительный центр оказался именно таким, как описывал Семён: огромное прямоугольное здание, бывший логистический хаб сетевого ритейлера. Плоская крыша, выступающая из-под снега на два-три метра, погрузочные доки — засыпаны, но один — расчищен. Кто-то здесь уже был.

Эльза остановилась за триста метров. Наблюдала десять минут. Тишина. Никакого движения. Расчищенный док — занесён свежим снегом, значит, были здесь давно, может, неделю назад, может, две. Пришли, взяли что смогли унести, ушли.

Она подъехала ближе. Спешилась. Подошла к доку.

Внутри — темнота, густая, абсолютная. Луч красного фонаря упёрся в бетонный пол, скользнул по стенам — и Эльза на мгновение забыла дышать.

Стеллажи. Ряды стеллажей — четырёхметровые, тяжёлые, промышленные, — уходящие в темноту, как коридоры в подземном городе. На стеллажах — паллеты. Обёрнутые в плёнку, маркированные, аккуратные. Сотни паллет. Тысячи коробок.

Она подошла к ближайшему стеллажу. Сорвала плёнку. Коробки — картонные, с маркировкой.

«Тушёнка говяжья, ГОСТ, 325 г. Кол-во: 48 ед.»

Следующая паллета.

«Рис длиннозёрный, 900 г. Кол-во: 60 ед.»

Следующая.

«Масло подсолнечное рафинированное, 1 л. Кол-во: 36 ед.»

Следующая. Следующая. Следующая.

Мука. Сахар. Гречка. Макароны. Горох. Сгущёнка. Чай. Кофе. Соль. Специи. Подсолнечное масло — ещё. Тушёнка — ещё. Консервированные овощи — горошек, кукуруза, фасоль. Рыбные консервы. Детское питание. Каши быстрого приготовления. Сухое молоко. Сухари. Крекеры. Печенье. Шоколад — коробки, десятки коробок.

И это — только первый ряд.

Склад — двадцать рядов. Каждый — по пятьдесят-шестьдесят стеллажей. На каждом стеллаже — четыре-шесть паллет. На каждой паллете — тридцать-шестьдесят единиц.

Эльза стояла в темноте и считала. Губы двигались беззвучно — привычка, которую она так и не смогла искоренить, хотя считала в уме быстрее, чем большинство людей на калькуляторе.

Тысячи. Десятки тысяч единиц продовольствия. Тонны. Сотни тонн.

Еда для тысячи человек на год.

Или — для ста человек на десять лет.

Или — для одного человека, которому не нужна еда как пища, а нужна еда как власть, — навсегда.

Мародёры, которые были здесь до неё, взяли крохи. Несколько паллет в первом ряду — вскрыты, частично опустошены. Всё остальное — нетронуто. Они не смогли унести больше — на санях, на себе, пешком по снегу. Десять-двадцать коробок — максимум. Из тысяч.

У Эльзы — портал.

Она начала работать.

Это было не похоже на зачистку магазина. Магазин — это сотни предметов, каждый нужно взять, оценить, отправить. Склад — это паллеты. Целые паллеты. Эльза подходила к стеллажу, клала руку на плёнку — и активировала перенос. Паллета — тонна, полторы, две — исчезала мгновенно. Стеллаж пустел.

Следующий.

Следующий.

Следующий.

Она работала как машина. Без пауз, без мыслей, без колебаний. Шаг — рука на плёнку — перенос — шаг. Ритм, который тело освоило за четыре ночи и теперь выполняло автоматически.

Первый ряд — двенадцать минут.

Второй — десять.

Третий — одиннадцать.

К концу первого часа — пять рядов. Пустых. Голых. Как скелеты, с которых содрали мясо.

Она остановилась. Попила воды — из термоса, горячей, сладкой. Руки — болели, хотя физически она не поднимала ничего тяжелее плёнки. Болела не мышца — болела точка контакта, то место на ладони, через которое проходил перенос. Как ожог. Портал не был бесплатным — он не требовал денег или энергии, но тело платило. Малой болью. Накопительной усталостью. Головной болью, которая начиналась после двадцатого переноса и нарастала с каждым следующим.

Она терпела. Привыкла. Как привыкают ко всему в этом мире — через зубы, через «надо», через понимание, что альтернатива хуже.

Шестой ряд. Седьмой.

На восьмом — она услышала звук.

Эльза замерла. Рука — на паллете, готовая к переносу — повисла в воздухе. Тело — мгновенно перешло в режим, который она называла «стоп-кадр»: полная неподвижность, все ресурсы — на слух и зрение.

Звук повторился. Скрежет. Металл по бетону. Далеко — на другом конце склада, у погрузочных доков.

Потом — голоса. Тихие, приглушённые, но в тишине склада — отчётливые, как удары молотка.

— ...здесь были. Смотри — пусто. Целый ряд — пусто.

— Да ладно. Кто мог?..

— Говорю же — пусто. И следующий тоже. Чисто. Как корова языком.

— Быстрее. Загружай.

Группа. Другая группа — пришла на склад. Сейчас. В два часа ночи. Одновременно с ней.

Эльза присела за стеллажом. Выключила фонарь. Темнота — абсолютная, непроглядная, физически давящая на глаза. Она достала бинокль — бесполезно, слишком темно. Убрала. Слушала.

Шаги. Четыре пары ног — может, пять. Тяжёлые, в ботинках, по бетону — гулкое эхо. Фонарь — один, белый, мощный — скользил по стеллажам, вырывая из темноты куски реальности: коробки, плёнку, пыль, замёрзший конденсат на металле.

— Вот. Здесь — полные. Бери крупу. И масло. Масло — в первую очередь.

— Сколько унесём?

— Сколько влезет на санки. Двадцать коробок, не больше. Давай, давай, не стой.

Двадцать коробок. Из тысяч. Они пришли за крохами — потому что больше не могли унести. Санки, руки, ноги, снег по колено, пять километров обратно, на морозе, в темноте.

Эльза сидела в пятнадцати метрах от них — невидимая, неслышимая, несуществующая.

Она могла подождать. Дать им забрать свои двадцать коробок и уйти. Потом — продолжить работу. Они не помешают, не узнают, не поймут.

Но они увидят пустые ряды. Восемь пустых рядов. И расскажут. Кому-нибудь — расскажут. И начнутся вопросы. Кто? Как? Куда?

Эльза сидела и думала. Считала. Не секунды — последствия.

Пусть видят. Что они увидят? Пустые стеллажи. Без следов, без улик, без объяснений. Они подумают — другая группа, грузовик, организованная операция. Не один человек с невозможной способностью. Один человек с невозможной способностью — это за пределами воображения. Люди не думают о том, что не могут представить.

Она осталась. Ждала. Сидела на корточках за стеллажом, в темноте, и слушала, как чужие люди забирают двадцать коробок из того, что через час будет принадлежать ей.

Они работали минут сорок. Грузили, спорили, ругались — приглушённо, как люди, которые знают, что шуметь опасно, но не могут совсем замолчать. Эльза различила голоса — четверо мужчин, один — старше, командует, остальные — подчиняются.

Потом — один из них прошёл мимо неё. В трёх метрах. С фонарём, направленным в пол. Она видела его — тусклый силуэт в луче света, — а он её — нет. Белый маскхалат в темноте — невидимость.

Он остановился. Посветил на стеллаж — пустой, восьмой ряд, тот, который Эльза вычистила последним.

— Мужики, — позвал он. — Идите сюда.

Шаги. Троё подошли.

— Гляди. Пустой. И следующий — пустой. И тот. Восемь рядов — пустые. Восемь.

Тишина. Тяжёлая, как сам мороз.

— Кто? — спросил другой голос. Тихий, с хрипотцой.

— Без понятия. Но кто бы это ни был — у него грузовик. Или несколько. И люди. И время. И он знает про этот склад.

— Рустам?

— Может. Или — заводские. Или — ещё кто.

— Если Рустам узнает про склад — он заберёт всё. У нас — ни шанса.

— Значит — берём, что можем, и уходим. Быстро. До рассвета.

Они ушли. Двадцать минут — и скрежет санок по снегу стих в темноте.

Эльза встала. Размяла ноги. Включила фонарь.

И продолжила.

Девятый ряд. Десятый. Одиннадцатый. Двенадцатый. Головная боль — нарастала, пульсировала в висках, давила на глаза. Ладонь — горела, как будто она держала раскалённый утюг. Но останавливаться нельзя. Каждый час промедления — это час, в который кто-то другой может прийти на этот склад. С грузовиком. С людьми. И забрать то, что ещё осталось.

Тринадцатый ряд. Четырнадцатый.

На пятнадцатом она остановилась. Не потому что устала — потому что пришло время. Пять утра. До рассвета — час. Нужно ехать. Нужно вернуться до света, убрать снегоход, подняться в бункер, смыть ночь с кожи.

Она оставила пять рядов нетронутыми. Пять рядов из двадцати. Двадцать пять процентов склада — всё ещё полные.

Это жгло. Оставлять ресурсы — физически больно, как оставлять куски собственного тела. Но голова пульсировала так, что перед глазами плыли чёрные точки, и Эльза знала: ещё десять переносов — и она потеряет сознание. А потеря сознания на складе в пяти километрах от дома, на морозе, одна — это смерть. Простая, глупая, бессмысленная смерть.

Она не могла себе этого позволить.

Завтра. Завтра ночью — вернусь. Добью.

Она вышла из склада. Село на снегоход. Завела двигатель — руки тряслись, и ключ зажигания попал в замок только с третьей попытки.

Ехала домой — по тому же маршруту, мимо завода (на этот раз — широким кругом, два километра обхода), через промзону, через пустые кварталы. На автопилоте. Тело — помнило дорогу, мозг — отключался.

На подъезде к дому — заглушила двигатель за триста метров. Дальше — пешком. Снегоход — в портал. Подъём по лестнице — двенадцать этажей.

На восьмом — остановилась. Привалилась к стене. Дышала. Голова — раскалывалась. Перед глазами — круги, красные и чёрные, как карусель в аду.

Минуту стояла. Две. Потом — собралась и пошла дальше.

На четырнадцатом — бункер. Дверь. Замки. Засов.

Тепло.

Она не сняла куртку. Не сняла ботинки. Дошла до кровати, упала на неё — прямо в верхней одежде, в маскхалате, с биноклем в кармане — и провалилась в чёрную, глухую, беспросветную тьму без снов.

Проснулась в десять. Четыре часа сна — мало, но привычно. Тело — ныло, как после побоев. Ладонь — распухла, покраснела, горячая на ощупь. Головная боль — ушла, оставив после себя тупую тяжесть, как похмелье.

Она встала. Разделась. Приняла горячий душ — долго, десять минут, позволив себе роскошь, которой не было ни у кого в радиусе километров. Горячая вода текла по спине, по плечам, по распухшей ладони — и ладонь пульсировала, ныла, но жар постепенно утихал.

Потом — чай. Сахар. Блокнот.

«Ночь 5. Склад (распределительный центр, юг, 5 км).

Зачищено: 15 рядов из 20. Оценка содержимого зачищенных рядов: ~180 тонн продовольствия (крупы, консервы, масло, мука, сахар, макароны, прочее). Всё — в хранилище.

Оставшиеся 5 рядов: оценка — ~60 тонн. Необходима повторная вылазка. ПРИОРИТЕТ.

Инцидент: на складе — чужая группа, 4 чел. Не идентифицированы. Забрали ~20 коробок. Обнаружили пустые ряды — обсуждали. Предполагают: грузовик, организованная группа. Версия «один человек» — не рассматривалась.

Физическое состояние: головная боль (критическая после ~100 переносов), воспаление ладони. Восстановление — 12-16 часов. Следующая вылазка — завтра ночью.

Наблюдение (маршрут): завод Кабана. Загон с пленными — подтверждено. ~25-30 чел. Доставка тел — подтверждена. Один мешок — ЖИВОЙ. Охрана: часовые на крыше (2-3), охрана ворот (1-2), патрули — не замечены.

Примечание: маршрут к складу проходит в 800 м от завода. Альтернативный маршрут — удлинение на 3 км (через север). Принять решение.

Примечание 2: те четверо — вернутся. С людьми. Или расскажут другим. Склад станет известен в течение 3-5 дней. После этого — конкуренция за оставшиеся 5 рядов. УСКОРИТЬ.»

Она закрыла блокнот. Посмотрела на ладонь — красную, припухшую, с тонкой сетью лопнувших капилляров под кожей.

Шестьдесят тонн. Пять рядов. Одна ночь. Она сможет — если начнёт раньше, если выдержит головную боль, если портал не откажет.

А если откажет?

Она не думала об этом. Не позволяла себе.

Портал — её единственное оружие. Её единственное преимущество. Без него — она обычная женщина двадцати восьми лет в мире, где выживают те, у кого есть армия, генераторы или полное отсутствие совести.

Без него — она мертва.

Как в прошлой жизни.

В полдень — стук в дверь бункера. Условный — три коротких, два длинных. Вадим Петрович.

— Эльза Андреевна. К нам — гость. От больницы.

Доктор Лена не пришла сама. Прислала человека — мужчину лет сорока пяти, невысокого, худого, с интеллигентным лицом и трясущимися руками. Бывший фельдшер. Назвался Олегом.

Встреча — на третьем этаже. Та же квартира, тот же холод, тот же стол.

Олег говорил быстро, нервно, проглатывая окончания слов. Он мёрз — тонкая куртка, никаких перчаток, на ногах — кроссовки, обмотанные полиэтиленом. Губы — синие. Пальцы — белые на кончиках, первая стадия обморожения. Он шёл два квартала в минус пятьдесят, в кроссовках.

— Елена Викторовна просит... — начал он и замялся. Посмотрел на Эльзу — виновато, затравленно, как человек, который знает, что просит милостыню, и ненавидит себя за это. — У нас — четверо тяжёлых. Пневмония, двое. Инфицированная рана — одна, гангрена пошла. И ребёнок — семь лет, мальчик — сепсис, температура сорок и два третий день. Без антибиотиков — умрут. Все четверо. В ближайшие дни.

— Я знаю, — сказала Эльза.

Олег моргнул. Его трясущиеся руки замерли на секунду.

— Знаете?

— Я знаю ситуацию в больнице. Тридцать человек, из них двенадцать больных, четверо тяжёлых. Елена Викторовна — хирург, но без медикаментов и оборудования её навыки бесполезны. Аптеки в вашем районе — пусты.

— Да. Пусты. Мы ходили в три — везде чисто. Как будто...

— Как будто кто-то забрал всё. Я знаю.

Тишина. Олег смотрел на неё — и в его глазах, красных от холода и недосыпа, медленно проступало понимание. Не полное — фрагментарное, нечёткое, как лицо в запотевшем зеркале. Но достаточное, чтобы задать вопрос, который он так и не задал.

Вместо этого он спросил:

— У вас — есть?

— Есть.

— Что вы хотите?

Прямой вопрос. Без обиняков, без гордости, без иллюзий. «Что вы хотите» — потому что бесплатно ничего не бывает. Не в этом мире. Олег это понимал. Елена Викторовна, видимо, тоже — иначе бы пришла сама.

— Союз, — сказала Эльза. — Долгосрочный. Елена Викторовна становится моим медицинским ресурсом. Она лечит моих людей — по первому требованию, в приоритете. Я обеспечиваю её медикаментами, продовольствием и защитой. Её больница — под моим покровительством. Никто не тронет её, пока я стою.

— А если вы не устоите?

— Тогда ей будет всё равно. Потому что без моих медикаментов — она не проживёт и месяца.

Олег облизнул синие губы.

— Это — шантаж.

— Это — реальность. У меня есть то, что ей нужно. У неё есть то, что нужно мне. Мы обмениваемся. Как взрослые люди, которые хотят жить.

Пауза.

— Мальчику — семь лет, — сказал Олег тихо. — Его зовут Дима. У него — сепсис. Он умрёт через два дня. Может — завтра.

Эльза молчала. Секунда. Две. Три.

— Передайте Елене Викторовне моё предложение, — сказала она. — Когда она примет — я передам медикаменты. Сегодня. Амоксиклав, цефтриаксон, метронидазол. Перевязочные, антисептики, шприцы. Достаточно для всех четырёх тяжёлых и ещё с запасом.

— Когда она примет, — повторил Олег. — А если не примет?

— Тогда Дима умрёт через два дня. И остальные — тоже.

Олег встал. Он не смотрел на неё. Смотрел в пол — на иней, который покрывал кафельную плитку мёртвой кухни. Его руки тряслись — сильнее, чем когда он пришёл. Не от холода.

— Я передам, — сказал он и вышел.

Эльза осталась одна.

Она сидела за столом и слушала, как его шаги затихают в коридоре. Как хлопает дверь. Как скрипит снег.

Мальчику — семь лет. Его зовут Дима. У него — сепсис.

У неё в хранилище — ящики антибиотиков. Десятки ящиков.

Она могла отдать их сейчас. Бесплатно. Просто — протянуть руку и дать. Как в прошлой жизни.

В прошлой жизни она протянула руку. И ей перерезали горло.

Поэтому — не бесплатно. Поэтому — условия. Поэтому — союз, зависимость, контроль.

Поэтому — мальчик по имени Дима будет ждать, пока его врач согласится стать частью чужой машины. И если врач будет слишком гордой, слишком принципиальной, слишком «доброй» — мальчик умрёт.

И это — не вина Эльзы. Это — вина мира, который сделал доброту смертельной болезнью.

Она встала. Вернулась в бункер. Закрывает дверь.

Открыла хранилище. Нашла ящик с антибиотиками. Достала — амоксиклав, цефтриаксон, метронидазол, упаковки шприцов, бинты, антисептик, жаропонижающее — детское, с клубничным вкусом, яркая коробочка с нарисованным медвежонком.

Положила на стол. Стояла и смотрела.

Медвежонок на коробочке улыбался. Глупой, доброй, нарисованной улыбкой.

Эльза убрала медикаменты обратно в хранилище. Не на стол — в хранилище. Где они будут лежать, невидимые, бесконечные, свежие, — пока Елена Викторовна не скажет «да».

Потом — налила чай. Добавила сахар. Два куса.

Стала пить.

Ответ пришёл через четыре часа. Олег вернулся — ещё более синий, ещё более трясущийся, но с запиской. Почерк — женский, аккуратный, врачебный:

«Принимаю ваши условия. Присылайте медикаменты. Немедленно. — Е.В. Карташова.»

Ниже — приписка, другим почерком, торопливым:

«Пожалуйста.»

Эльза прочитала. Сложила записку. Убрала в карман.

Потом — достала из хранилища медикаменты, упаковала в рюкзак, передала Олегу.

— Бегом, — сказала она. — Каждая минута — на счету.

Олег схватил рюкзак и побежал. Буквально — побежал, по обледеневшей лестнице, мимо баррикады, через снежное поле, в кроссовках, обмотанных полиэтиленом, по минус пятьдесят, к больнице, где мальчик по имени Дима умирал от сепсиса.

Эльза стояла у баррикады и смотрела ему вслед.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.